

ЕЛЕНА КРИКЛИВЕЦ

ПОД БЕЛОЙ РУБАХОЙ

* * *

Настоем черёмухи полдень дышал,
и белую птахой
металась, ещё не окрепнув, душа
под белой рубахой...

Как будто недавно об этой поре
ты из дому вышел...
И кипенно-белым цвела во дворе
отцовская вишня...

Разбитые ноги нальются свинцом,
и сердце заноеет,
когда незнакомое глянет лицо
в окошко резное.

— Стучали. Не слышишь? Пойди отопри! —
Ребёнок заплакал.
И ты — чужестранец — стоишь у двери
с бродячей собакой.

КРИКЛИВЕЦ Елена Владимировна родилась и живёт в Витебске (Беларусь). Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Витебского государственного университета. Член Союза писателей Беларуси. Член Союза писателей России. Автор сборников стихов "На грани света", "За строкой". Лауреат VII международного Пушкинского конкурса, а также литературных конкурсов "Северная Аврора", "Словенское поле", "Литературная Вена" и др.

Одежды истлели, в дорожной пыли
полощется ветошь.
А спросит хозяин: “Откуда пришли?” —
И что ты ответишь?

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

Эта прошлая жизнь, эта бабкина ветошь
прописалась навеки в комодке твоём.
Возвращаясь домой, будто птица на ветку,
согревалась душа под лоскутным шитьём.

В ночь, когда и дождю почему-то не спится,
и озябший трамвайчик стучит вдалеке,
ты разгладишь морщинки сатина и ситца,
как шершавую кожу на тёплой руке,

той, что клала стежки, словно буквы в строчку
выводила на пёстрых страницах судьбы...
И темнели горохи на бывшей сорочке,
и темнели дорог верстовые столбы...

И сновала иголка в уверенных пальцах,
лоскуток к лоскутку пришивая года,
чтоб укутать любовь, как дитя одеяльцем,
чтобы век воскресить, как живая вода,

чтобы спрятать тоску, как роман институтка,
намечтавшая в дерзком кружении звёзд
расписаться в позоре, в потере рассудка
и уехать с корнетом за тысячу вёрст.

* * *

Темнело небо. Буднично. Привычно.
До вяжущей чернильной густоты.
Он доставал припрятанные спички,
неловко опираясь на костыль,

а после брёл извилистою тропкой
подальше от настывшего гнезда.
Легонько чиркал спичкой о коробку —
и зажигалась первая звезда.

Над ним смеялись.
Горько и упрямо
стучал костыль по сколотому льду:
он ковылял своей дорогой странной,
чтобы затеплить новую звезду.

И ребятня со всех соседних улиц
сбегалась посмотреть на дурака...
Вдруг небеса весенние качнулись
в глазах его, глубоких, как река...

Стекали капли по-апрельски часто.
Сжимая свечку в сморщенных руках,
он уходил по тающему насту
туда, где звёзды плыли в облаках.

* * *

Младенец спал.
Уже зажглась звезда.
И шли волхвы. И мать сидела рядом.
Так далеко, казалось, до креста,
Так близко небо, пастухи и стадо.
Младенец спал.
Ему несли дары.
И тем, кто нёс, хотелось верить в чудо.
И полыхали поздние костры,
горячие, как поцелуй Иуды...

Застыло серебро на тополях —
гроши звенели у беды в кармане...
Младенец беззаботно спал в яслях,
себя доверив Господу и Маме.
Давно пастух пригнал своих овец.
Звезда погасла там, за новостройкой.
А люди доедали холодец
и выносили ёлки на помойку.

Младенец спал.

* * *

Созревшим боком хвастает луна.
Там, за забором, сторож не приветлив...
Но вдруг рука потянется сама
к отяжелевшей яблонево́й ветви...

Никто в дому огня не зажигал,
не ждал гостей с ночного полустанка.
И не видать смурного мужика
с пристрелянной отцовскою берданкой.

Наверно, он сегодня запоздал:
в чужом саду искал хмельного счастья.
Трепещет в небе сонная звезда,
готовая сорваться в одночасье.

Застынет сердце мухой в янтаре,
и вскрикнет потревоженная птица,
когда она по сморщенной коре
серебряной дорожкой прозмеится.

Луна расплавит в озере сурьму,
и я тебе, от страха обмирая,
антоновку в ладонях протяну —
и нас хозяин выгонит из рая.